

Сергей Николаев (Санкт-Петербург, Россия)

«До чего мы дожили, о россияне?» (от Феофана Прокоповича до Василия Шульгина)

«Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого» было произнесено Феофаном Прокоповичем 8 марта 1725 г. По свидетельству очевидца, «коль слово сие не было кратко, однако ж продолжалось оно около часа; ибо беспрестанно было прерываемо плачем и воплем слушателей, особливо же когда сей церковный ритор произнес первые слова оныя, которые начинались тако: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне?..» – то залился сам он слезами и возрыдало все множество бывших людей в церкви. Вошь и рыдание сие перешло вне церкви стоящим, и казалось, что самые стены церкви и валы крепости возревели, что продолжалось более четверти часа» (Голиков 1789, 238).

Это «Слово» Феофана было издано уже 14 марта 1725 г., а затем в 1725-1729 гг. оно было переведено на ряд иностранных языков (латинский, французский, немецкий, шведский и английский) и считалось признанным шедевром русского ораторского искусства XVIII века (см.: Феофан Прокопович 1961: 473; Быкова, Гуревич, Козинцева 1972: 169-170, 188; Cracraft 1975: 11-12, 15, 17-18, 23). Описывая в начале XIX в. правила составления надгробных проповедей, И. С. Рижский подчеркивал, «что они пишутся с таким красноречием, которое, будучи произведением восхищенного и стремительного воображения, не далеко от стихотворства. Известное российским словесникам слово архиепископа Феофана Прокоповича на погребение государя императора Петра I, может быть образцом сих правил» (Рижский 1805: 278). «Слово» Феофана считалось образцовым и в истории русской церковной проповеди и печаталось в разных хрестоматиях по курсу гомилетики в духовных училищах еще в начале XX в. (Булгаков 1887: 566-567; Поторжинский 1899: 166-169; Поторжинский 1901: 422-425; Дударев 1913: 256-259; см. также: Разумихин 1904: 104). Разумеется, «Слово» Феофана печаталось и в хрестоматиях по русской литературе XVIII в. (Галахов 1861: 60-61; Гуковский 1938: 37-38; Западов 1979: 53-55).¹ Можно полагать, что это «Слово» Феофана стало самым известным его произведением, а его начало было известно широкому кругу читателей.

¹ В 1916 г. вышло 20-е издание хрестоматии А. Д. Галахова.

Несмотря на широкую известность проповеди Феофана, фразе «До чего мы дожили, о россияне?» не довелось стать афоризмом, вошедшим в словарь русских крылатых слов, хотя эта фраза не один раз цитируется в русской литературе XVIII-XX вв. Но и составителей словарей крылатых слов можно понять. Ни в этом вопросительном предложении, ни в других восклицаниях начала речи нет афористичности, нет метафоричности, нет остроумия, нет парадоксальности, т.е. оно не удовлетворяет условиям, которые мы привыкли считать присущими афоризму. Действительно, «Что се есть?» – довольно обычный риторический вопрос, кстати сказать, употребленный Феофаном Прокоповичем и в других речах (см.: Феофан Прокопович 1961: 30, 52). «До чего мы дожили» – тоже достаточно обычное вопрошание. Идиомы «Вот до чего мы дожили. Вот до чего Бог привел дожить!» мы находим в словаре В.И. Даля и в его собрании пословиц (см.: Даль 1978: 453; Даль 1984: 54), во множестве они встречаются у русских писателей XVIII-XIX вв. Столь же просты и риторические восклицания «Что видим? Что делаем?» Но все эти вопросы подводят к горестному ответу – «Петра Великого погребаем!» Ответ не только горестный, но и ошеломительный для самого проповедника и его слушателей.

Именно горечь и невосполнимость утраты для России пронизывает всю проповедь Феофана. Хотя это слово и было признанным образцом для проповедников, подражания ему неизвестны. Да могли ли появиться подражания? Уж слишком хорошо было известно слово и слишком велика фигура Петра. Кажется, подражания могли появиться только в виде простодушного курьеза. Об одном таком подражании рассказал В.К. Тредиаковский в «Разговоре об ортографии» (1748):

«Сказывали мне про некоторого у нас оратора, которому надлежало говорить слово на погребении некоторого простого сотника, что он начал оное теми самыми словами, которыми возопил покойный архиепископ новгородский Феофан, при погребении государя блаженныя и вечнодостоинныя памяти Петра Великого. Сей архиепископ, с превеликим рассуждением, свою и всего общества горесть изъявил, начиная: «Что сие! Что мы видим! Что делаем! Петра Великого погребаем». Но тот оратор, после «Что сие! Что мы видим! Что делаем!» с крайним безумием толь жалосно и плачевно заключил: «Ах! Господина сотника погребаем». С Петром Великим вся Россия, так сказать, была погребается. Но господ сотников сколько ни умерло, России от того ни на волос не сделалось убытка» (Тредиаковский 1849: 184-185). Для Тредиаковского сама идея сравнения чьей-либо кончины со смертью Петра I представляется недопустимой нелепостью. Примечательно вместе с тем, что Тредиаковский приводит начало слова Феофана неточно, по памяти. Но очевидно, что в то время слово Феофана было на слуху.

О еще одном случае неловкого подражания не так давно поведал протоиерей Михаил Ардов в своей книге «Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни» (1995):

«Кажется, в прошлом веке возник такой забавный анекдот. Некогого протопопа попросили за весьма приличное вознаграждение произнести надгробное слово по умершей богатой купчихе. Он, однако же, решил не затруднять себя сочинительством, а взял известное «Слово на погребение Петра Великого» Пресвященного Феофана (Прокоповича) и прочитал его, заменяя всюду мужской род на женский.

– Что се есть? – возгласил батюшка. – До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Феклу Карповну Кособрюхову погребаем!.. Не мечтание ли се? Не сонное ли нам приведение? О, как истинная печаль! О, как известное нам злословие!..

Поначалу слушатели были довольны, пока протопоп говорил о величии и достоинствах покойной купчихи, о том, как она заботилась о просвещении... Однако же под конец речи родственники его чуть не побили, когда он между прочим сказал, будто «покойница была весьма проста нравом и, будучи в Голландии, делила ложе с простыми матросами».

(Надо сказать, в подлинном «Слове» Пресвященного Феофана такой фразы нет, но все же показательно, что в церковной среде подобный анекдот появился») (Ардов 1995: 9).

Вероятно, Михаил Ардов прав, и тут мы имеем дело не столько с действительно бывшим событием, сколько с семинарским юмором, своего рода юса топашогит нового времени, основанием для которого послужила опять-таки повсеместная известность знаменитой проповеди Феофана Прокоповича, в том числе и в церковной среде.

У фразы «До чего мы дожили, о россияне?» есть основания считаться крылатым выражением, и дальнейшая история только подтверждает это. Если выражение «До чего мы дожили» – просто распространенная в русском языке идиома, то фраза «До чего мы дожили, о россияне?» – это уже эмфатическая цитата, вызывающая ассоциации именно со словом Феофана Прокоповича. Но в употреблении этой фразы заметно тонкое отличие – она употребляется в усиленном значении самой идиомы – «дойти до крайних пределов», т.е. без отсылки к кончине Петра I. Именно в таком значении она использовалась как в церковной (см.: Мельгунов 1909: 136), так и в светской публицистике.

Замечательный переводчик Н.М. Любимов в своих воспоминаниях «Неувядаемый цвет» вспоминает, как вернувшийся в 1923 г. из эмиграции

писатель Глеб Васильевич Алексеев (1892-1938) как-то с горечью воскликнул: «А теперь писателя ругают за ненапечатанную вещь! До чего мы дожили, о россияне?» (Любимов 2004: 215). Другой писатель-эмигрант, Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953), автор знаменитой книги «Россия в концлагере» (1936), писал в статье «Воля народа» (1950) уже о правах эмиграции: «До чего мы дожили, о россияне! Дожили мы, о россияне, до того, что я, монархист, реакционер, <...> я ратую за свободу даже и для „марксистов”» (<http://www.russia-talk.com/sol-sam.htm>).

Но один раз цитирование восклицания Феофана Прокоповича подразумевало его изначальный трагический смысл. Оно принадлежит В.В. Шульгину – публицисту, политическому деятелю дореволюционной России, депутату Государственной Думы, а после революции 1917 г. организатору и идеологу Белого движения. В его записях 1971 г. есть маленький фрагмент, сверху и снизу отмеченный звездочками, т.е. вполне законченный:

«Совместными действиями партии эсеров и киевских жандармов был убит Петр Аркадьевич в 1911 году.

– Что делаем, о россияне? Петра Столыпина погребаем...» (Шульгин 2002: 520).

Для Шульгина, монархиста и русского националиста, до конца жизни оставшегося верным идеям Столыпина, гибель Столыпина представлялась одним из самых трагических событий русской истории начала XX в., почему он и решился отослаться к проповеди Феофана.

Восклицание Феофана все-таки попало в словари, но не крылатых слов, а русского языка. Слово «россиянин» было зафиксировано в русских словарях еще в XVIII в. В словарях оно обычно иллюстрировалось примерами из художественной литературы не ранее А.С. Пушкина. И только в 1939 г. в словарной статье «россиянин» в качестве примера была приведена фраза Феофана «До чего мы дожили, о россияне?» (Волин, Ушаков 1939: 1388). Примечательно, однако, что Феофан Прокопович употребил это слово десятилетием ранее, и не один раз (см.: Феофан Прокопович 1961: 43, 58). Резонно предположить, что этот пример в словарной статье был выбран именно благодаря своей известности все-таки в качестве крылатой фразы. С середины 90-х гг. истекшего столетия неоднократно возникали дискуссии о правомочности и корректности употребления слов «россиянин / россияне» (см.: Грищенко 2012; Грищенко 2012а). Проблема заключалась, конечно, не в самих этих словах, проблема была связана с пошатнувшейся национальной самоидентификацией. К горькому сожалению приходится признать, что эта проблема не решена и до сего дня.

Внимание к этой фразе Феофана объясняется тем, что это единственная, пусть и тонкая ниточка, связывающая Феофана Прокоповича с нашей современностью. Благодаря ей виднейший деятель петровской эпохи присутствует в нашем языке и в нашем сознании.

Литература

- Ардов М., протоиерей. (1995): Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни. (Картинки с натуры). Москва: Изд-во им. Сабашниковых.
- Булгаков, С.В. (1887): Образцы святоотеческой и русской проповеди с присоединением кратких биографических сведений о проповедниках, характеристик и примерных разборов их проповедей, планов и тем для проповедей, подробного указателя к проповедям и проч. (Опыт гомилетической хрестоматии). Харьков: Тип. Д.Н. Полуехтова.
- Быкова, Т.А., Гуревич, М.М., Козинцева, Р.И. (1972): Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения. Ленинград: Библиотека Академии наук СССР.
- Волин, Б.М., Ушаков, Д.Н. (1939): Толковый словарь русского языка. Москва: Гос. издательство национальных и иностранных словарей, Т. 3.
- Галахов, А.Д. (1861): Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. (От Петра I до нашего времени). Санкт-Петербург: Тип. Штаба военно-учебных заведений, Ч. 1.
- Голиков, И. (1789): Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Москва: Университетская тип., у Н. Новикова, Ч. 9.
- Грищенко, А. И. (2012): К новейшей истории слова россияне // Русский язык в научном освещении. № 1 (23). С. 119-139.
- Грищенко, А. И. (2012а): Между русскими и россиянами: современная русская публицистика в поисках новых этнических номинаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 11: Журналистика. С. 124-131.
- Гуковский, Г.А. (1938) Хрестоматия по русской литературе XVIII века Москва: Гос. учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.
- Даль, В.И. (1978): Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: «Русский язык», Т. 1.
- Даль, В.И. (1984): Пословицы русского народа: В 2 т. Москва: «Художественная литература», Т. 1.
- Дударев, П.И. (1913): Сборник проповеднических образцов. (Проповеди святоотеческие и церковно-отечественные). В 2 ч. Санкт-Петербург: Тип. И.Л. Тузова.
- Западов, В.А. (1979): Русская литература XVIII века, 1700-1775: Хрестоматия. Москва: «Просвещение».

- Любимов, Н. (2004): Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Москва: Языки славянской культуры, Т. 2.
- Мельгунов, С.П. (1909): Церковь и государство в России. (К вопросу о свободе совести). Москва: Товарищество И.Д. Сытина, Вып. 2.
- Поторжинский, М.А. (1899): Русская гомилетическая хрестоматия, с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристиками их проповедничества. XVII-XIX в. Киев: Тип. К.Н. Милевского.
- Поторжинский, М.А. (1901): История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырей-проповедников с ½ IX – XIX вв. Киев: Тип. Р.К. Лубковского.
- Разумихин, А.И. (1904): История русской проповеди. Москва: И.К. Голубев.
- Рижский, И. (1805): Опыт риторики. Харьков: Университетская тип., 1805.
- Третьяковский, В.К. (1849): Сочинения. Санкт-Петербург: Тип. военно-учебных заведений, Т. 3.
- Феофан Прокопович (1961): Сочинения. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Шульгин, В.В. (2002): Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. Москва: ОЛМА-пресс.
- Cracraft, J. (1975): Feofan Prokopovich: a Bibliography of His Works // Oxford Slavonic Papers. Vol. 8.

Alexander Bierich / Thomas Bruns (Hrsg.)

**Sprachgeschichte und
Sprachwandel im Slavischen**

Festschrift für Jadranka Gvozdanović

PETER LANG

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Umschlagabbildung: © lukaszimilena / Fotolia

Gedruckt auf alterungsbeständigem, säurefreiem Papier.
Druck und Bindung: CPI books GmbH, Leck

ISBN 978-3-631-80441-4 (Print)
E-ISBN 978-3-631-80471-1 (E-PDF)
E-ISBN 978-3-631-80472-8 (EPUB)
E-ISBN 978-3-631-80473-5 (MOBI)
DOI 10.3726/b16249
© Peter Lang GmbH

Internationaler Verlag der Wissenschaften
Berlin 2019
Alle Rechte vorbehalten.

Peter Lang – Berlin · Bern · Bruxelles · New York ·
Oxford · Warszawa · Wien

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Diese Publikation wurde begutachtet.

www.peterlang.com